

ОГЛАВЛЕНИЕ

I. Корица
7

II. Фосфор
85

III. Джоконда
155

IV. Дети
237

V. Восхождение
327

Таинственна ли жизнь еще?

Таинственна еще.

Александр Кушнер

I

Корица

Мартовским туманным вечером Лев Полусветов с женщиной на руках шел к воротам Царицынского парка, выходящим к метро «Орехово».

Он широко и легко шагал по снежной каше, расползавшейся на тротуарной плитке, и казалось, что ноша его ничего не весит.

Встречные сторонились и оглядывались, морща нос: от женщины, безвольно свесившей ноги, пахло мазутом, мочой, бедой, и даже при свете фонарей можно было разглядеть, что одета она в какую-то грязную рванину. Шнурки на ботинках не были завязаны, они свисали и болтались в такт шагам мужчины, который смотрел прямо перед собой, не обращая внимания ни на дождь, ни на людей.

Полицейский у ворот посторонился, пропускающая Полусветова, и долго провожал его взглядом, пока тот не спустился в подземный переход.

Он перешел на другую сторону Шипиловского проезда и двинулся по направлению к Ореховому бульвару, потом свернул налево и углубился во дворы, где редкие собачники выгуливали своих питомцев.

Женщина время от времени подавала признаки жизни, но сводились они главным образом к мычанию и икоте. Полусветов старался не думать о своей куртке, пропитавшейся мазутом, мочой и бедой, и только иногда бормотал сквозь зубы: «Не бойся, ничего не бойся». Женщина в ответ пускала слюни.

В этом доме Полусветов жил не так давно, соседей не знал и знать не хотел, но в те минуты, пока поднимался в лифте с женщиной на руках, он просил высшие силы сделать так, чтобы на лестничной площадке у его двери никого не было.

Когда лифт остановился на седьмом этаже, Полусветов вскинул женщину на плечо, достал из кармана ключ, отпер дверь, ногой захлопнул ее за собой, включил свет, опустил женщину в ванну, бросил ее сумочку на пол и перевел дух.

Переодеваясь, он пытался вспомнить, где лежит чистая женская пижама, нашел, бросил на кровать и вернулся в ванную.

Женщина лежала на боку, подтянув колени к животу и прикрыв локтем лицо.

Однако он успел хорошо рассмотреть это лицо — было в нем что-то восточное: линия бровей, монгольское веко у внутреннего угла глаз, форма губ...

Она замычала, когда Полусветов снял с нее вязаную шапочку, освободив сбитую на затылке копну темно-каштановых волос, но больше не издала ни звука, только пыхтела, пока он стаскивал куртку, свитер, ботинки, лифчик, колготки и трусы.

Всё было рваным, даже трусы и лифчик, причем изорванным так, словно кто-то специально потрудился, чтобы превратить ее одежду в клочья, пропитанные керосином и креозотом, а еще чувствовались запахи мочи и машинного масла.

Он хорошо помнил, что в том месте, где он нашел женщину, не было никаких следов керосина или машинного масла.

Грязную одежду он сложил в пластмассовый тазик и выставил в коридор.

Ее ноги, лобок и подмышки поросли густой щетиной. Женщине с темными волосами, поду-

мал Полусветов, приходится брить ноги раза два, а то и три в неделю. Значит, минимум неделю она этого не делала.

Он включил душ, щедро полил нагое тело гелем и принялся тереть его губкой — ноги, живот, спину, грудь. Грязная вода с шумом уходила в канализацию. Ему пришлось мыть ее дважды, потому что женщину вырвало. Она никак не реагировала на его прикосновения, даже когда он был вынужден тереть ладонью ее промежность. Потом он осторожно расчесал ее некрашенные волосы, завернул тело в большое махровое полотенце, отнес на кровать, кое-как надел на нее пижаму и включил в спальне синий ночник.

* * *

Каждый день, утром и вечером, в одно и то же время Лев Полусветов отправлялся на прогулку с Бромом. Пес умер два года назад, но привычка осталась. В семь утра и в восемь вечера он выходил с Бромом из дома, переходил на другую сторону улицы и вдоль ограды парка добирался до Ореховского кладбища. Там в заборе была дырка, о которой хорошо знали местные. Через дыру можно было попасть в ту часть Царицынского парка, куда в ненастную погоду полиция загляды-

вала редко. Этой дырой пользовались пьяницы и собачники.

Именно там, в глухой части парка, Полусветов и обнаружил женщину, которая лежала в кустах и протяжно стонала. Рядом валялась ее сумочка, довольно вместительная и грязная. Он без раздумий закинул сумочку на плечо, взял женщину на руки и отправился к задним воротам парка, выходящим к станции метро «Орехово».

И вот теперь эта женщина спала на его кровати, а Полусветов думал, что с нею делать.

Он хорошо разглядел ее, пока раздевал и мыл, и понял, что это тело не придется радикально перестраивать. Однако работа предстояла нелегкая. При невысоком росте женщина обладала слишком большой грудью, слишком толстыми ляжками и непропорционально узкой задницей. У нее были заплывшие колени, узкие ступни с очень длинными пальцами, жировые складки на боках и животе, короткая шея, тонкие губы, пористый нос, но при этом — роскошные каштановые волосы, изящные уши, прекрасные крупные зубы и трогательные детские пальчики на руках. Было ей, прикинул Полусветов, лет тридцать, может быть, тридцать пять.

При росте 172 сантиметра она весила килограммов 90. Значит, индекс массы тела по Кетле превышает 30 — первая степень ожирения. Если прибавить ей роста сантиметров 7-8, избыток массы тела снизится почти на 3 единицы. Остальной излишек можно сжечь без ущерба для здоровья.

Он взял бумагу, карандаш и быстро набросал эскиз ее тела фас и профиль. Профиль был особенно впечатляющим: отвисшая грудь, вислый живот, слишком длинные пальцы ног. Тело нуждалось в перераспределении масс. Ну и пальцы на ногах, конечно, должны стать короче, а ступни — шире. Крошечный же шестой пальчик на правой ноге надо просто убрать. При помощи карандаша и резинки он вытянул ее силуэт по вертикали, заштриховал «излишки», удовлетворенно хмыкнул.

План вчерне был готов, оставалось решить, как его воплотить.

Можно перестроить ее за ночь, чтобы утром она ахнула.

Можно перестраивать ее постепенно, день за днем что-то убавляя, а что-то прибавляя, чтобы ей казалось, будто изменения ее тела происходят в результате, скажем, психической травмы, запустившей таинственный механизм морфологиче-

ской трансформации — многие клают на косноязычную наукообразную таинственность.

А поскольку все изменения — к лучшему, женщина с радостью поверит любому объяснению. Будет колебаться, сомневаться, даже, может быть, испугается, но — поверит. Не станет же она держаться за вислый животик или короткую шею. Ну и потом, то, что другие получают за огромные деньги, отданные диетологам и пластическим хирургам, этой женщине достанется бесплатно, и этот довод может оказаться самым убедительным.

Но существует и другой путь, требующий терпения, воображения и немалых душевных затрат. Можно исходить из того, что ее телом вправе распоряжаться только она сама, а значит, рассказать ей всё начистоту о возможностях преобразования и склонить к изменениям, чтобы выбор ее был осознанным. Для этого ей нужно смириться с тем, что она и без того знает о себе, а с этим небессмертный человек обычно смиряется хуже всего. Она прекрасно знает, что у нее толстые кривые ноги, вислый живот, огромные ляжки, и это, как бы она ни храбрилась, не дает ей покоя. Как и шестой палец на правой ноге. Но одно дело — знать, другое — признавать, согласиться с чужим человеком, да еще мужчи-